

СЕРГЕЙ САХНОВ

УЖИН С ВОЛКАМИ

Сергей Сахнов

Ужин с волками

«Accent Graphics communications»

2013

Сахнов С.

Ужин с волками / С. Сахнов — «Accent Graphics communications», 2013

Село полностью накрыла зимняя забайкальская ночь. Только четвертушка луны слабо освещает заснеженные улицы да поле за огородами, которое простирается до самой реки. За рекой — глухая тайга. Тишина, и только волчий тоскливый вой вызывает ответный нервный лай у деревенских псов, трусливо поджимающих хвосты в своих будках. Стайка ребятишек 11—12 лет собралась в переулке, ведущем к реке Онон. Сегодня ночью произойдет необычное событие: один из нас, на спор, должен в одиночку добежать на лыжах до реки, а это почти два километра, бросить там гильзу от ружья 16 калибра и вернуться назад. И, как вы понимаете, это был я.

© Сахнов С., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

Волки	5
Раз, два, три – я на якорной цепи	7
Ебимть	9
Два билета на дневной сеанс	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Сахнов

Ужин с волками

Сборник рассказов

Волки

Село полностью накрыла зимняя забайкальская ночь. Только четвертушка луны слабо освещает заснеженные улицы да поле за огородами, которое простирается до самой реки. За рекой – глухая тайга. Тишина, и только волчий тоскливый вой вызывает ответный нервный лай у деревенских псов, трусливо поджимающих хвосты в своих будках. Стайка ребятишек 11—12 лет собралась в переулке, ведущем к реке Онон. Сегодня ночью произойдет необычное событие: один из нас, на спор, должен в одиночку добежать на лыжах до реки, а это почти два километра, бросить там гильзу от ружья 16 калибра и вернуться назад. И, как вы понимаете, это был я.

При каждом завывании все зябко поводят плечами и смотрят на меня, струшу ли я последний момент или нет? Сомнения и страх раздирают меня на части изнутри, но руки сами застегивают крепления лыж, поздно сомневаться, слово дано и назад пути нет. Наконец, все готово, я нервно вздрагиваю от очередного особенно продолжительного завывания и бросаюсь вперед к реке навстречу опасности.

Накатанная, подмороженная 30 градусным морозом лыжня скрипит и поет на все голоса, сильнейшее возбуждение холодит спину и сдавливает виски. Возможно, волки еще далеко, ведь ночь усиливает звуки. Пот струится по моей спине, течет из под теплой шапки и заливает глаза. Пытаюсь рассмотреть малейшее движение впереди у реки, но, пока, Слава Богу, ничего не вижу. Слабую и единственную надежду дает одноствольный обрез 16 калибра и четыре патрона к нему. Возможно, их отпугнет выстрел, а если нет. Это, наверное, будет зависеть от того, насколько голодны они в данный момент. Обрез тяжело бьется на привязи за пазухой моей куртки, река стремительно приближается, волчий вой тоже.

Нервное напряжение достигает предела, до боли хочется повернуть назад к дому, к теплу, к людям, но я должен добежать до берега, иначе позор «на всю вселенную».

Наконец, бросаю гильзу, мельком оглядываю замерзшее русло реки и резко поворачиваю назад к селу. Волчий вой ударяет мне в спину, усиленный многократно моим воображением, ощущение погони за мной настолько реально и осязаемо, что я чувствую хриплое дыхание злобной голодной стаи в нескольких десятках метров за моей спиной.

Нет времени анализировать, что реально, что нет – я не бегу, а лечу. Обрез, плохо закрепленный на груди, летит в сугроб, поднимать некогда, позади смертельная опасность, страх гонит меня вперед с ураганной силой.

Влетаю в переулок, откуда стартовал, проскакиваю мимо моих недоумевающих друзей и сбрасываю лыжи. Через несколько минут я уже в сенцах нашего дома пытаюсь в темноте нащупать ручку входной двери и не могу. Волчий вой разрывает барабанные перепонки, меня бьет нервная дрожь. Наконец, нащупываю ручку и из последних усилий открываю дверь и вваливаюсь домой. Топится большая печь, мама замешивает тесто в квашине и вопросительно смотрит на меня.

– Что случилось?

– Нет, ничего, – выдавливаю я из себя и чувствую, как начинаю всхлипывать. Прохожу за занавеску, где стоит моя кровать, и падаю обессиленный ничком, не раздеваясь. В эту ночь я так и не смог заснуть до самого утра. Мой еще детский мозг, утомленный и взбудораженный

ночными событиями постоянно возвращал меня к реке и волкам. Сладкое блаженное чувство только что пережитой опасности расплзлось по всем клеточкам моего уставшего тела; под утро, засыпая, я уже хотел более сильных ощущений и, конечно, еще не мог знать, что это определит мою дальнейшую судьбу.

Раз, два, три – я на якорной цепи

Август 1969 года, рейд порта Владивосток. Я и мой однокашник Юра Купин работаем матросами на теплоходе «Камчатка» Дальневосточного морского пароходства. Мы курсанты второго курса судоводительского факультета ДВВИМУ, и проходим индивидуальную морскую практику.

День назад пришли с Колымы и ожидаем погрузки на рейде, но в рейс мы с товарищем уже не пойдём, скоро начинается учебный семестр и нам пора в училище. С трудом добиваем многочисленные отчеты по практике, остается только получить обязательные письменные характеристики от старпома и можно списываться. Юра её уже получил и очень хорошую, а я под вопросом, так как отношения со старпомом у меня, мягко говоря, не сложились, и он пообещал мне такую, что в тюрьму не примут, если я хоть на 30 секунд опоздаю на вахту или скажу хоть слово против. Надо продержаться, осталось-то пару дней.

Характеристика очень важна для нас, так как все мы ждем открытия допуска к международному плаванию, а это – мечта всей нашей молодой жизни. Сан-Франциско, Сингапур, Гонконг – все это останется пустым звуком без паспорта моряка.

Моя последняя вахта завтра с 4 утра, потом швартовка к причалу, после этого приедет наша подмена, и мы можем списаться с судна. Отпрашиваюсь у старпома в город и клятвенно обещаю, что буду в 11 вечера на последнем рейдовом катере.

Такое ощущение, что Владивосток переполнен курсантами третьей роты ДВВИМУ. Уже через час нас собралось около семи человек, все при деньгах, так как практика индивидуальная, и нам платят по ставке матроса второго класса, плюс за участие в грузовых операциях в Арктике. Обойдя кучу всяких значных мест, уже изрядно навеселе, прорываемся с боем в ресторан «Волна», что на морском вокзале. Огромное помещение переполнено, грохочет музыка, на танцплощадке в диком танце извиваются пары, и мы просто ныряем в этот водоворот, забыв про все на свете. Только, когда наша официантка заявила, что нам пора уходить, так как ресторан закрывается, я обнаружил, что последний рейдовый катер уже давно ушел. Мои попытки нанять катер в порту ни к чему не привели, и я осознал, что попал и очень сильно. Хмель начал моментально испаряться, и перед собой я уже видел усатую рожу старпома с ехидной ухмылкой.

Час ночи, до начала вахты – 3 часа. Решение приходит мгновенно, поплыву на рейд стилем брасс. Сказано – сделано. Приезжаю на Эгершельд (припортовый район города) на такси, по крутому склону спускаюсь к воде, выбираю место, с которого всего ближе плыть до судна. Теплоход «Камчатка» стоит в первой точке на якоре, а это метров 800 от берега. Раздеваюсь до трусов, одежду прячу под камень – завтра заберу, и захожу в воду. Водичка – ничего, не очень холодная, но больно грязная: на поверхности плавают пятна мазута и разный мусор.

Проплыл метров 200 и почувствовал, что начинаю замерзать. С Амурского залива пополз туман, и огни судов на рейде начали исчезать один за другим, вдобавок, правая икроножная мышца начала предательски сжиматься в тугий комок и тянуть всю ногу – судорога. Надо срочно искать что-то плавучее, командует одна часть мозга, а вторая часть ехидно говорит, ты своей смертью не помрешь, и не мечтай. Отстань, говорю я, еще не вечер. Впереди на плаву осклизлая доска, вся в окружении грязного мусора и топливных разводьев, начинаю осторожно грести к ней руками, ноги выключил, так как не хочу получить спазм мышц от интенсивной работы.

Слева шум двигателя, и прямо на меня из тумана вылетает лоцманский катер на большой скорости, естественно, меня не видят, да и как можно увидеть эту одинокую дурную голову ночью и в тумане.

Черт, катер близко – нырять нельзя, осадка большая, разорвет винтом на куски. Активирую все, что у меня есть: руки, ноги и все оставшиеся силы. Мощный, короткий рывок стилем пловцов водного поло выводит меня из под удара форштевня катера. Шум двигателя стихает за стеной тумана. Цепляюсь за доску, становится немного легче, можно передохнуть. Я не приложу ума, куда плыть, так как ничего не видно из-за тумана.

Пережитое возбуждение отнимает остатки энергии, и я начинаю коченеть. На хрена мне случась эта характеристика, думаю мрачно. Сингапур и Сан-Франциско бледнеют перед угрозой гибели. Впрочем, до рассвета не так уж далеко, да и воду я уже не ощущаю, не такая она и холодная, надо ждать. О том, что туман может не разойтись и до обеда, думать не хочется. Но все пошло веселее и быстрее, чем я предполагал. Через час туман начал редеть, появились огни судов на рейде, и Сингапур замаячил на горизонте снова.

Безошибочно нахожу «Камчатку» по силуэту задранного вверх носа, в балласте всегда так: корма «притоплена», а нос задран, парадный трап с правого борта, нижняя площадка на высоте носовой части рейдового катера, а это почти 2 метра над водой. На мостике никого не видно. Подплываю под площадку и кричу, но не слышу своего голоса – его просто нет, какой-то слабый хрип. Тут уж начинаю замерзать окончательно, как говорится, приплыли, в прямом смысле этого слова. Но не все так плохо, и здесь есть спасение: на высоте около метра из бортового отверстия вытекает мощная струя горячей воды – это охлаждающая дизель-генератор морская вода, нагретая почти до 40 градусов.

Подплываю под струю и греюсь, держаться не за что, и приходится балансировать в воде, хватаясь за корпус судна. Корпус шершавый от наростшей ракушки, и вскоре мои руки, бока и ноги горят, как в огне, от сплошных царапин. Немного согрелся и решил попробовать залезть на палубу через клюз по якорной цепи. Пальцы заоченели и почти не держат, но мне удалось подняться почти на 2 метра над водой. В голову лезет какая-то тарабарщина. Раз, два, три – я на якорной цепи. Бух. Вконец онемевшие пальцы сами разжались, и я падаю обратно в «родную» воду. Плыву снова под спасительную струю горячей воды. В голове продолжает гудеть. Четыре, пять – «душик» будем принимать.

Из соседнего с отливом охлаждения отверстия вдруг с каким-то «чмакающим» звуком вылетает коричневая струя воды с содержимым чьей-то прямой кишки. Черт возьми, так это – из туалета судна, срочно отплываю в сторону. Господи, ну что же “валить”-то людям на голову посередине ночи, и так уже неважно. В то же мгновение рядом со мной падает горящий окурок сигареты и с шипением гаснет. Из всех сил начинаю бить рукой по воде, и на крыле мостика появляется вахтенный – второй помощник капитана. Воеет лебедка парадного трапа, и нижняя площадка медленно ползет вниз прямо на меня. Залезаю на неё из последних сил и медленно поднимаюсь на борт судна.

– Ты чего там делал? – изумленно смотрит на меня мой спаситель.

Да так, я тут просто погулять вышел, хочу сказать я, но голоса нет вообще. Времени – без 10 минут четыре, кое-как обтеревшись от мазута, влетаю на мостик, кажется, успел.

Второй помощник зевает и подает мне пакет с подписанными старпомом отчетами по моей практике и характеристикой, кстати неплохой, как оказалось по прочтении.

– Замена тебе еще вчера вечером приехала, так что, уже сейчас свободен, – продолжает второй. Швартовку отложили до понедельника, и старпом уехал с капитаном на берег.

Бреду под душ, вяло пытаюсь смыть с себя мазут и переосмыслить события этой злополучной ночи.

ЕБИМТЬ

Мне и моим товарищам пришлось слегка прикоснуться к воинской службе, хотя мы этого и не планировали. Поступали в 1967 году в гражданское инженерное морское училище, но оно оказалось, так называемого, закрытого типа, и у нас была серьезная военная кафедра, где готовили офицеров подводников. На 5 курсе мы сдали государственный экзамен по военно-морской подготовке и получили звания лейтенантов запаса.

В течение 5 лет мы изучали устройство подводных лодок и проходили два раза практику на действующих базах ВМФ.

С первого курса нас пытались приучить к соблюдению воинской дисциплины и режима секретности.

Военная кафедра находилось в отдельном здании, и мы строем ходили туда на занятия два, а иногда и четыре раза в неделю. Лекции писали на прошнурованных и пронумерованных тетрадях, которые после лекции сдавались на хранение в секретную часть. Строжайше было запрещено писать шпаргалки и выносить с кафедры любые записи. Ничего секретного, конечно, на наш курсантский взгляд мы не изучали, но нас таким образом пытались приучить к дисциплине. Конечно, мы писали «шпоры», несмотря на запреты. Все занятия вели кадровые офицеры военно-морских сил СССР, в основном, в чине капитанов первого ранга. Некоторые из них были командирами подводных лодок в прошлом.

Смех смехом, но риск попасть рядовым во флот существовал при нарушении правил, и это, кстати, иногда случалось.

Однажды мы писали контрольную работу на военной кафедре. Тема: мина АГСБ выпуска 1926 года. Способы постановки ее на якорь, приведение в боевую готовность и прочая, с нашей точки зрения, чепуха. Все, наверное, видели в кино черный металлический шар с рожками, плавающий на поверхности воды. Вот это и есть «мина контактного действия».

Несмотря на простоту запомнить большой объем информации трудно, и почти все заготовили шпаргалки. Мы стараемся не «засветиться», так как между рядами ходит капитан первого ранга по кличке Ебимть. Почему такая странная кличка? Просто он очень часто употреблял известное на Руси ругательство, связанное со словом «мать», в конце концов и сложилась такая аббревиатура.

Так вот, Ебимть медленно подходит к Вовику Плотникову и запускает два пальца в нагрудный карман его курсантской робы. Буквально перед этим курсант спиной почувствовал взгляд офицера и в панике сунул в карман «шпору», с которой списывал данные по злополучной мине.

Капитан первого ранга медленно сжал пальцы и так же медленно, с садисткой ухмылкой вытащил «шпору-гармошку» из кармана, похолодевшего от страха курсанта. С пальцев преподавателя почти на метр свисает гармошка с самыми секретными данными о мине, произведенной почти 50 лет тому назад. Вместе со шпаргалкой пальцы офицера зацепили фотографию и, при ближайшем рассмотрении оказалось, что это фото голой женщины, стоящей в непристойной позе у какой-то деревенской бани с березовым веником в руках. Тогда не было качественной порнографии, и этот снимок гулял по рукам курсантов нашей роты, а теперь в самое неподходящее время оказался в кармане Вовика.

Ебимть внимательно рассматривает фото и на его лице расплывается широкая ухмылка. Мы все застыли в предчувствии беды, свалившейся на голову нашего товарища, и сами срочно прячем свои шпаргалки в места, куда он не мог забраться своими пальцами.

– Так, Плотников, – наконец произносит офицер. – Вы нарушили приказ о неразглашении воинской тайны, и, я полагаю, кража сверхсекретных данных связана с этой «потаскухой», которой вы и продаете военно-морские секреты СССР.

Конопушки на лице Вовика Плотникова побелели, он начал лепетать что-то нечленораздельное. Черный юмор офицера ничего хорошего не сулил попавшему в беду курсанту. Так и получилось. Вовика по совокупности прегрешений: задолженности по другим предметам, неоднократное нарушение дисциплины и, особенно, за случай на экзамене, отчислили из училища и сразу же забрали во флот, где он и отслужил три года в подразделении боевых подводных пловцов на Русском острове. В училище он уже не вернулся, хотя имел такую возможность. Потеря Вовика Плотникова вскоре была восполнена. К нам в роту зачислили вернувшегося со срочной службы во флоте Женю Синегурского, который был отчислен из ДВВИМУ три года назад за то, что взял с военной кафедры часовой механизм от паровой торпеды. Для чего взял? Просто поиграть.

Два билета на дневной сеанс

– Рота-а-а-а, в одну шеренгу становись!

Старшина Консевич руками показывает направление построения. Зная, что последует за этим, встаю в строй третьим, поближе к двери выхода, хотя по «ранжиру» должен быть тридцатым. В кармане – два билета в кино, меня ждет Татьяна, моя невеста. Я уже опаздываю и хочу как можно быстрее выбраться из экипажа (казармы).

– Равняйся! Смирно! По порядку рассчитайсь!

– Первый, второй, третий... сорок второй, – кричит последний по счету в строю курсант. Старшина с неодобрением смотрит в сторону первых пяти курсантов, явно не по росту вставших во главе шеренги и, конечно, понимает наше намерение поскорее сбежать из расположения бригады. Всем прекрасно известно, что на этом построении нас распределят по экипажам подлодок, которые стоят в ремонте в Дальзаводе, и распустят.

После построения мы будем обязаны в течение двух месяцев находиться в расположении бригады и «впитывать» военно-морской опыт. Получение звания лейтенанта по окончании училища обязывало нас проходить практику на боевых подлодках ВМФ. В походы на действующих кораблях нас, практически, никогда не брали, но в этот раз все пошло иначе.

– Старшина, ко мне! – зычно командует офицер в погонах капитана первого ранга, только что появившийся в дверях. Признав в офицере начальника штаба бригады, старшина командует.

– Смирно! – и браво докладывает, – Товарищ капитан первого ранга, курсанты третьей роты четвертого курса судоводительского факультета ДВВМУ в количестве сорока двух человек прибыли для прохождения военно-морской практики. Старшина роты Консевич.

– Вольно! – командует офицер и проходит к середине строя.

– Товарищи курсанты, через час подлодка 690 проекта «Кефаль» «снимается» в море на боевое патрулирование. Командиру лодки приказано взять в поход пять курсантов вашей роты. Времени очень мало, поэтому на выбор кандидатур даю две минуты, желательно, чтобы были добровольцы.

Строй курсантов застыл в томительном ожидании: «Боже, пронеси!» – думал каждый про себя. Провести несколько недель в железной вонючей трубе в зимнем штормовом море не хотелось никому.

– Кстати, – добавил офицер, – обязательно нужно, чтобы у всех было теплое белье, иначе отморозите свое хозяйство.

– Добровольцы есть? – громко выкрикнул старшина – строй курсантов угрюмо молчал.

– Так. Значит, добровольцев нет.

Консевич посмотрел на меня и ухмыльнулся. В его голове уже созрело какое-то решение. Странное недоброе предчувствие отозвалось холодком в моей спине, и я не ошибся.

– Равняйся! Смирно! На первый – пятый рассчитайсь!

– Первый, второй, третий, – слышу свой голос, – четвертый, пятый.

– С первого по пятый. Шаг вперед, шагом марш! Направо! На причал бегом – марш!

– Сходили в пивбар, – сокрушаются мои друзья по несчастью. Придерживая рюкзаки, бежим к причалу, где стоит подлодка. Остается слабая надежда – уговорить командира лодки не брать нас в поход.

Прибежали. У причала ошвартована субмарина около 55 метров длиной и 7-8 метров шириной. Корпус обшит толстыми квадратами резины. Небольшая рубка невысоко возвышается над корпусом лодки. Топчемся на причале, не знаем, к кому обратиться. Через минуту подходит офицер, знаки различия скрыты под кожаной теплой курткой (альпак).

– Так это вы курсанты ДВВИМУ? Меня предупредили. Снимаемся через час в море, поэтому срочно на корабль, и не путайтесь под ногами, у всех дел по горло. Мы пытаемся объяснить, что не готовы к выходу в море, да и зачем командиру нужна морока с лишними ртами. Вместо этого звучит жесткая команда: «Смирно! На лодку бегом – марш!» Матерясь и чертыхаясь, поднимаемся по узкому трапу на палубу лодки и протискиваемся в узкую дверь, ведущую в надводную рубку. По одному пролазим в трубу, ведущую вниз на центральный пост. Медленно опускаемся по вертикальному трапу, проклиная все на свете.

– Это что за колхоз? – встречает нас среднего роста офицер, тоже в альпаке. – Старпом, – обращается он к нашему провожатому, – научить, как нужно правильно спускаться по трапу в центральный отсек! – и добавляет к этому незлобивое ругательство.

Мы уже догадались, что это – командир лодки, а офицер, встретивший нас на причале, старпом.

– Оставить рюкзаки в центральном посту. Показываю один раз, – говорит старпом. – Подниматься проще простого, все это вы умеете и без меня. Спускаться надо следующим образом, – он поднимается на полтора метра вверх по трапу, останавливается, обхватывает внутренней частью ступней ног боковые направляющие трапа и, практически на одних руках, скользит вниз, притормаживая ногами. Затем легко касается палубы центрального поста и отскакивает в сторону. – Это затем, – объясняет он, – чтобы вам на голову не упал следующий моряк. Во время срочного погружения наружная вахта должна мгновенно спуститься вниз, так как лодка в это время уже проваливается под воду.

Не сняв шинелей, лезем вверх, все еще не воспринимая происходящее всерьез.

Первым начинаю скользить по трапу я. Согласно инструкциям, вовремя не успеваю затормозить и растягиваюсь на грязной палубе центрального поста. На меня сверху падает Коля Серебрянников, на него Ситкин и Витя Рыльцов. Короче, получается куча-мала. Матросы и офицеры в центральном посту незлобиво подшучивают над нами. Старпом отдаёт команду: «Наверх!» И мы, вспотевшие и злые, снова лезем вверх по трапу.

Наконец он удовлетворен. С третьего раза у нас начинает получаться. Первое учение в боевых условиях для нас закончено. Подсчитываем убытки. Все хлястики на шинелях оборваны, ладони рук черные, как у кочегаров, и нестерпимо горят от трения. Только сейчас начинаем ощущать запахи подводной лодки: смесь соляра, фекалий и чего-то еще более мерзкого и непонятного. Пробыть здесь несколько недель!!! Наше сознание не может смириться с этим. Весь экипаж, включая офицеров, имеет какой-то помятый и не очень опрятный вид. Скрученные погоны у офицеров, синие и белые полосы на тельняшках матросов почти не различимы. Но, несмотря на это, бодрый вид экипажа и командира вселяет уверенность в наши оробевшие души. «Не все так плохо, как могло бы быть!» – появляется у меня первая позитивная мысль.

– По местам стоять, сниматься со швартовых! – раздается команда. Все люки между отсеками лодки наглухо задраены: в случае повреждения и затопления или пожара в одном, остальные должны быть в безопасности. Нам приказано не мешаться. Мы все впятером теснимся в штурманской рубке. Это – маленький закуток по левому борту, с входом из центрального поста. Переборки утыканы различными приборами, в углу – стол, на котором лежит карта грязно-серого цвета бухты «Золотой Рог». Вдоль стола узкий диван, на котором в походе днюет и ночует штурман, молодой лейтенант, выпускник прошлого года ТОВВМУ.

Где-то на корме грохочет двигатель. Штурман, закончив «отшвартовку» на палубе, появляется на своем рабочем месте. К нему сразу же начинают поступать доклады. Расстояние – пеленг, глубина под килем.

«Кефаль» на малом ходу проходит бухту Золотой Рог, поворачивает влево и добавляет ход до среднего – впереди Японское море.

Старпом смотрит на часы – 12.00. Война войной, а обед по расписанию. Клацает включенный микрофон громкой связи.

– Бачковым на камбуз, команде мыть руки.

Мы вопросительно смотрим на штурмана.

– На кают-компанию не рассчитывайте, но голодными не останетесь. – Ты, – тыкает он мне в грудь пальцем, – первый отсек. Ты, – указывает на Серегу Ситкина, – второй отсек.

Так нас и распределили по отсекам. Надо сказать, в дополнение к своим обязанностям, штурман на лодке является завпродом, и от его поворотливости и смекалки во многом зависит питание экипажа, а значит, настроение и боевой дух. Впрочем, об этом немного позднее.

Неизвестная обстановка, в которую мы внезапно попали, незнание правил поведения – все это делало наши перемещения по лодке замедленными и осторожными.

Прежде всего, где подводный гальюн? Гальюн нашелся быстро. Сделав все, что положено, стою и не решаюсь открутить вентиль смыва унитаза. Еще в училище мы наслушались страшных туалетных историй, когда моряк откручивает вентиль, а вместо смыва, все вылетает под давлением на него, и попробуй потом отмойся. Подозрительно осматриваю систему трубопроводов и многочисленные клапаны неизвестного мне назначения. Спросить некого, да и неудобно. Вжавшись в угол гальюна, и закрыв, на всякий случай глаза, кручу маховик. Раздается приглушенный хлопок, и я открываю глаза. Пронесло! Не спеша добираюсь до первого отсека. Пир, как говорится, в разгаре. В отсеке по расписанию питается около двадцати человек. Но при этом почему-то пять гнутых ложек, пять глубоких тарелок из неизвестного сплава, бачок с борщом, бачок с кашей и бачок с теплой водой. Стола, естественно, нет, все располагаются там, где есть место. В недоумении смотрю на грязную посуду и молчу. Затем беру грязную тарелку и намереваюсь помыть в бачке с водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.